

Вам в жизни мешала или помогла знаменитая фамилия?

- Чего было больше, я не задумывался. Критики норовили сравнить меня с другими Чайковскими - либо в ту сторону, либо в другую. Что ж, судьба такая...

Первый балет Александра Чайковского «Ревизор» в Кировском театре ставил замечательный балетмейстер Олег Виноградов. Спектакль стал сенсацией: переложение великой пьесы на язык хореографии и музыки было чудом как хорошо. Первую оперу Александра Чайковского ставил великий Борис Покровский у себя в театре. Опера называлась «Дедушка смеется» - по басням Крылова. Отзывы были восторженными.

- Как-то раз я решил вспомнить, какие дирижеры играли мою музыку, - рассказывает Александр Владимирович. - Вспомнил - и оторопел: Владимир Федосеев, Марис Янсонс, Валерий Гергиев, Василий Синайский, Александр Дмитриев, Геннадий Провоторов...

- Вы, творческий человек, не испытывали некоего смятения, когда вступили в должность, которая требует еще и неординарных административных способностей?

- Нет, не испытывал. И отдавал себе отчет: проблем много, значит, приступать к их решению надо одновременно. А какие это проблемы, я, будучи профессиональным музыкантом, и раньше знал. Но сразу столкнулся и с совершенно неожиданными трудностями. Например, в зале после двух концертов лопаются прожектора, а каждая лампа стоит шесть с половиной тысяч рублей. Вроде бы техническая проблема, но из-за таких поломок артисты простаивают, репетиционный период затягивается, концерт под угрозой срыва - и вот вам уже проблема творческая.

- И каковы же «первоочередные задачи» новой музыкальной власти?

- Вставить, я бы даже сказал, втиснуть в начавшийся сезон хотя бы три-четыре ярких концерта, которые бы стали заметными событиями в музыкальной жизни города. Хотя это на грани невозможного. У музыкантов «первого ранга» концертная деятельность расписана на два года! А уж сколько еще обстоятельств!..

- Я не слышалась? Яркие концерты, о которых вы говорите, в Москве не планировались?

- Они планировались, но их должно быть гораздо больше. Я возлагаю надежды на участие в работе художественной коллегии новых людей, которые дали на это согласие. Это Владимир Федосеев, Юрий Башмет, Наталия Гутман, председатель Союза композиторов России Вячеслав Казенин... Но остаются Николай Петров, Владимир Крайнев... Все эти замечательные музыканты могут сделать новый музыкальный сезон действительно ярким. Я планирую всех членов худсовета постоянно опрашивать: что хорошего в нашей работе, что надо менять? И уже пора думать о следующем сезоне. Но какие же прозаические бытовые проблемы надо при этом решать! Печатание абонементов, например. А это огромнейшая работа. К тому же зависит от изменения творческого календаря музыкантов, а следовательно, и всей филармонии. Однако надеюсь, что по крайней мере на 50 процентов нам удастся осуществить задуманное.

- Это ведь зависит не только от творческих моментов, но и от экономических. Или они забота тоже недавно назначенного директора Алексея Алексеевича Шалашова?

- Это, конечно, прежде всего в ведении Алексея Алексеевича, и у него есть программа перестройки структуры филармонии, экономических принципов ее работы, перехода на общепринятую в мире очень эффективную договорно-контрактную систему. Наша филармония, к сожалению, работала по старой системе. Сдвинуть такую машину очень тяжело, и, естественно, это и меня коснется. С кем договоримся, с кем не договоримся - от результатов переговоров я в своих планах и должен танцевать. Ведь речь идет о личностях! Творческих. Талантливых! Но они могут отказаться от работы в филармонии: финансовая ситуация в области музыкального искусства нынче незавидная.

- Понятно: у многих истинных ценителей музыки мало денег, они не могут себе позволить ходить на концерты, концерты не окупаются, мало денег оказывается и у артистов... Порочный круг. Как вырваться за его пределы?

- Вырваться бесполезно. Надо ждать и, приспособившись к порочной

Александр ЧАЙКОВСКИЙ:

Александр Владимирович Чайковский - новый художественный руководитель Московской государственной филармонии. Из славной семьи, но с Петром Ильичом родственными узами не связан: сын композитора Владимира Чайковского, племянник композитора Бориса Чайковского. Александр Владимирович - тоже композитор, пианист, автор музыки многих опер и балетов. Ученик Генриха Нейгауза, Льва Наумова и Тихона Хренникова.

В ТРАМВАЕ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ОСОБЕННО - ДЛЯ ЛЮДЕЙ С «ФОНАРИКОМ»

реальности, постепенно ее изменять. Да, печально, что лучшая часть общества бедна и не может ходить на концерты любимых музыкантов. Хотя именно лучшая часть нашего общества всегда на концерты и ходила. Но, как ни странно, прибыль от продажи абонементов на филармонические концерты за год увеличилась на 6 процентов. Это очень приличный показатель. Мы бы с радостью снизили цены на билеты, если бы нам снизили цены хотя бы на содержание залов. На те же прожектора. Но, как я сказал, надо приспособиваться к тяжелой ситуации. В филармонии сейчас ведется работа по более реальной градации цен на билеты. Цены должны быть плавающими, в зависимости от концерта.

- А вы не ощущаете себя новой метлой, которая размахисто метет? Я имею в виду, что музыканты, состоящие в штате филармонии, участвуют в антрепризах, гастролях, которые профессионалы слегка цинично называют «чес». Олег Табаков, например, не закрывает глаза на эти явления, но требует дань: десятину от доходов артисты должны отдавать театру, где лежат их трудовые книжки. Вы не собираетесь принять такие же довольно свирепые меры в отношении к музыкантам, приписанным к филармонии?

- И к антрепризе, и к «чесу» отношусь положительно. Если талантливый музыкант, серьезно подготовившись, выступает в глубинке, - это же такая радость для публики! А для истинного артиста нет разницы между публикой столичной и провинциальной! И если при этом он получит нормальные деньги за свой труд - очень хорошо! В нашей провинции так любят классическую музыку! Такой любви музыкант и в столице порой не ощущает.

- Он при этом не обязан отдавать Московской филармонии часть доходов?

- Если гастролирует не от Московской филармонии, то не обязан. Мы не можем запрещать артисту работать в полную силу. В контрактах это даже не обозначено. Потому что мы не можем обеспечить артистам полную занятость.

- Судя по вашим словам, вы в руководстве придерживаетесь принципа гуманизма. А правда ли, что вы собирае-

тесь объединять известные, прекрасно себя зарекомендовавшие оркестры?

- Да. Но мы просто не можем «прокормить» два больших - Академический оркестр Московской филармонии Юрия Симонова и столь же замечательный - под руководством Владимира Понькина. Да и им трудно выдержать конкуренцию с симфоническими оркестрами, которые получили президентский грант.

- Такое реформирование станет болезненным процессом, не правда ли?

- В нынешней ситуации плохо всем. После реорганизации никто из талантливых музыкантов не останется на обочине. И в конце концов выигрывают все.

- Известно: в стране падает интерес к классической, академической музыке. Вы сможете как-то воздействовать на этот процесс?

- Буду стараться по мере сил. Падение интереса к академической музыке связано с общим падением духовности, нравственности в искусстве. Ведь люди абсолютно бездарные покупают признание за деньги: заплатят - и выходят на сцену. Действует мощная индустрия смещения критериев в искусстве. Начиная артистам говорят, что они талантливы, и доверчивые несмышленишки поддаются этим словам. Вред для всей нации от этого колоссальный. Что делать - тут абсолютного рецепта нет. Ведь началось это не вчера - с древнейших времен люди платят больше всего за низменные удовольствия. А например, философия Платона интересует немногих. Конечно, у серьезной музыки больше поклонников, чем у философии Платона, но гораздо меньше, чем, например, у поп-группы «Блестящие» или еще того похуже. Об этой проблеме говорят все здравомыслящие люди: педагоги, профессиональные музыканты, ценители истинного искусства, наконец, просто образованные наши современники, выросшие в хороших семьях. Но такое мощное средство пропаганды культуры, как телевидение, в руках совсем других людей. Неинтеллигентных, необразованных и нездравомыслящих. Телевизионные олигархи - назовем их так - возможно, еще и по причине своей молодости, не заглядывают в будущее. Не представляют себе: пройдет лет десять, и потомство, насмотревшись и наслу-

шавшись всего, что им предлагают сейчас «властители дум», воспитанное такими вот наставниками, начнет их отстреливать.

Мы должны почувствовать себя миссионерами. Не побоюсь высказаться более резко: миссионерами на островах, населенных туземцами. Убежденными в своей правоте, желающими во что бы то ни стало убедить и тех, кто не понимает, что есть ценность истинная, а что - мнимая. Разумеется, благих порывов недостаточно. Пропаганда хорошей музыки в нынешних условиях станет эффективной, если наладить институт менеджмента.

- Как-то непривычно связывать эти понятия...

- А они всегда были взаимосвязаны. Просто у нас не принято было об этом говорить.

- Значит, академическую музыку можно раскручивать так же, как раскручивают попу?

- Еще как можно! Механизмы практически те же самые. Есть, правда, загвоздка: академическая музыка требует больше денег. Вы, вероятно, видели по телеканалу «Культура» концерты трех теноров? Или концерты популярной симфонической музыки в Берлинском парке? 150 тысяч человек с восторгом слушают... Значит, нравится? Даже молодым! Хотя и вдалбливают в них попу, а тянутся к классике. Беда в том, что у нас организация концерта симфонической музыки - дело чрезвычайно дорогостоящее. На сцене - около 100 человек, и всем надо заплатить. Это не выход на сцену нескольких гитаристов, которые делают вид, что играют, и певица, раскрывающего рот под фонограмму. А билеты на симфонический концерт чаще всего дешевле. Залы - меньше. Однако правильно получить прибыль можно. Она в наших условиях будет небольшая, но - будет!

- А что - никто пока не думает, как в индустрии классической музыки правильно извлекать прибыль?

- Именно! Представьте себе фантастическую ситуацию: в один миг все наше телевидение перестало показывать попу. Да она ведь вообще исчезнет! Через месяц на концертах попсовики катастрофически упадут сборы, а через два

месяца этих артистов все забудут. На классическую музыку не идут потому, что ее нет на телевидении. Вы когда-нибудь видели на телеэкране Квартет имени Бородина? То-то и оно. А это блистательный коллектив, гордость нашего искусства. Но широкая публика даже не знает, что есть такой квартет. Если бы по радио или по телевидению услышали, как он играет, многие стали бы его поклонниками. Или пришли бы на концерт просто из интереса. Вот и судите. На Западе уже сложился грамотный менеджмент, умная система работы концертных агентств, а вот в Московской филармонии такой системы не было.

- Как вы думаете, сможет филармония повлиять на телевидение и радио?

- Если будут деньги. Хотя на канале «Культура» нам обещали предоставить бесплатное время. По крайней мере будут идти ролики, сообщающие о наиболее значительных событиях в музыкальной жизни страны. Лиха беда начало!

- На вашей инаугурации вы говорили, что считаете перспективным расширение концертной деятельности в небольших залах...

- Это очень перспективно. Академическая музыка на 75 процентов камерная. То есть слушатели должны сидеть в небольшой компании. Тогда вы полностью погружаетесь в музыку, которая требует сосредоточенности. Да, Большой зал Московской консерватории прекрасен, но там сидят 2 тысячи человек, и атмосферу, психологически подходящую для камерной музыки, могут создать только музыканты экстра-класса. Идеальный зал - тот, в котором максимум 600 мест. Такие концерты тоже могут быть необычными, хотя и бешеных доходов приносить не будут. Но замечательным, элитным артистам можно будет платить хотя бы по-человечески.

Однако камерных залов в Москве катастрофически мало. Малый зал, Рахманиновский зал консерватории, камерный в Доме музыки, зал в Институте Гнесиных, который требует ремонта, - и все. Для Москвы это просто несерьезно. К тому же Московская филармония владеет только одним залом - имени П.И. Чайковского. Собственного камерного зала у нее нет. Собираемся бить челом то ли федеральному правительству, то ли московскому: найдите нам камерные залы. Это не так уж трудно - их много в старых московских особняках. А может, построить специальный зал камерной музыки для нашего города? Не будет камерных залов в Москве - бесперспективным станет сам разговор об эффективной работе Московской филармонии.

- Вы хорошо знаете многих знаменитых музыкантов. Можете вспомнить какие-то моменты из общения с ними, которые запали в душу?

- Генрих Густавович Нейгауз на своих уроках часто повторял: возможности музыки безграничны, особенно в исполнительском искусстве. И говорил ученикам: «Хорошо играешь, но вот в этом месте еще можно чуть-чуть. Еще чуть-чуть. Можно тише. Можно громче, даже чуть-чуть точнее!» Помните: в трамвай может влезть еще один человек.

Об этом «чуть-чуть» говорил и Станиславский: оно многое решает в искусстве. Все это я очень хорошо запомнил. Мне повезло: с большими людьми встречался, работал с ними, а когда был маленьким, наблюдал. Помню, в гости к отцу приходили Михаил Светлов, Эрст Гарин... Когда мне было лет десять, мой отец работал музыкальным руководителем в Театре киноактера, а Эрст Гарин был художественным руководителем. А у меня был фонарик. В театре ставился спектакль «Обыкновенное чудо». Так вот я этим фонариком все освещал и всем мешал... Кстати, есть и фильм с Гариним в этой роли, музыка - моего отца. А одна мелодия моя. Я написал ее, когда мне было лет двенадцать. Написал, потому что отец не успевал и бросил мне через плечо: «Ну напиши что-нибудь. 25 рублей заплачу». Я придумал, к нам пришел Эрст Павлович Гарин, отец сказал: «Эрст Пальч, послушайте, что Сашка написал. Тему для финала». Эрст оценил внятно, тягуче, со своим характерным проносом: «Да, пойдет». Так я и получил 25 рублей, свой первый гонорар.

Но главное в том, что, как бы много ни было у тебя авторитетных предшественников, как бы они тебя ни хвалили, ни страшили, как бы ни была отлажена вроде бы странная система, в которой ты оказался, и как бы она тебя ни выталкивала, «в трамвае» всегда есть место.

Беседу вела
Елена БЕЛОСТОЦКАЯ